

Домовой

На смерть Андрея Синявского — Абрама Терца

Когда 25 февраля в Парижском пригороде Фонтене-о-Роз в возрасте 71 года ушел из жизни Андрей Донатович Синявский, по профессии литератор, то русская литература лишилась сразу двух писателей: Андрея Синявского и Абрама Терца.

Этим именам — больше, чем кому-либо — отечественная словесность обязана ощущением легкости и дерзости. Современный писатель — чувством освобождения от обязательной роли наставника народов и властителя дум.

В глухие советские времена благополучный литературовед и критик Андрей Синявский стал печататься на Западе под вызывающим, заимствованным у одесского бандита псевдонимом Абрам Терц. Был вскоре посажен. Процесс 66-го года, на котором литераторов Андрея Синявского и Юлия Даниэля судили за литературные произведения, даже не придумывая других поводов, прогремел на весь мир и во многом стал отправной точкой движения инакомыслящих в СССР.

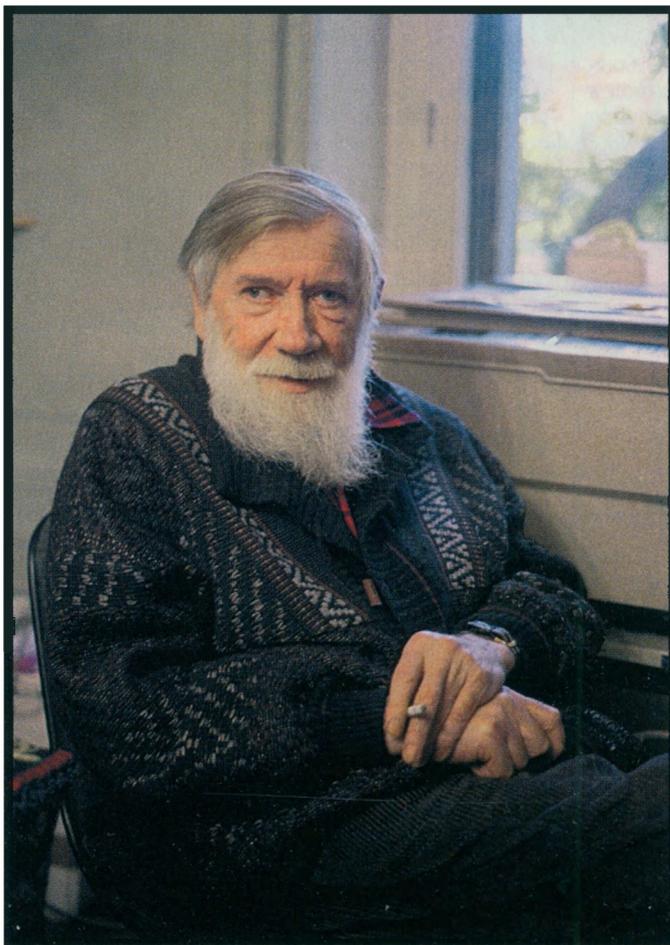
Попав в мордовские лагеря, Синявский-Терц ответил так, как мог ответить только он, — написал, маскируя главы под письма жене, книгу о самом свободном человеке российской истории — «Прогулки с Пушкиным». И написал ее как свободный человек, впервые отделив поэта от хрестоматии.

Он ловко устроился: Синявский сидел, а Терц в это время писал.

За 20-летнее знакомство я видел Андрея Донатовича в разных декорациях и положениях, и его (их) всегда было двое.

В 77-м на Биеннале в Венеции профессор Сорбонны Синявский сделал доклад, а Абрам Терц позволил себе такие реплики в прениях, что в залах Новых прокураций в замешательстве засуетились переводчики. В 79-м в Колумбийском университете Нью-Йорка Синявский рассказывал о протопопе Аввакуме, а снаружи стояли демонстранты с плакатами против Терца: «Второй Дантес». В Москве в 96-м мы сидели рядом на симпозиуме, обсуждая мелодраму в кино, и Синявский звонко прочел «Левый марш», сказав: «Вот это энергия! Не то что «Под черной вуалью...» А Терц добавил: «... трахаться». В 91-м в Бостоне на Синявского надели мантию почетного доктора Гарварда, а Терц, давись от смеха, сказал мне, показывая на другого нового доктора: «Он был республиканским министром МВД, когда я сидел».

Отсидев пять с половиной лет, Синявский поселился во Франции. Там вместе с женой Марьей Васильевной Розановой издавал журнал «Синтаксис» и уже открыто воссоединился с Абрамом Терцем. Он — или они — написал много. Это была и гротескная беллетристика, и тот причудливый жанр художественной литературы о художественной литературе, который легче всего обозначить просто именем Синявского-Терца. Книги о Пушкине, Гоголе, Розанове, о русском фольклоре. Об-

ратим внимание: его герои — всегда свободные творцы.

Таков был и сам автор, что никак не облегчало его жизнь. Уникальный случай в мировой словесности: он был не принят и так или иначе осужден трижды — в различных общественных ситуациях. Советская власть его отправила за решетку, антисоветская эмиграция назвала Дантесом, постсоветская Россия заклеила клеветником и русофобом. При этом нет книги, более пылко и убедительно воспевающей творческий гений русского народа, чем «Иван-дурак. Очерк русской народной веры». В ней Синявский закодировал и себя — по-терцевски броско и парадоксально. Подобно мудрецу и философу, Дурак «находится в состоянии восприимчивой пассивности», потому что, «как никто другой, доверяет Высшей силе. Он ей — открыт». Он веселит публику («выполняет весьма важную функцию!»), а через эту деятельность протягивает нить между Дураком и Вором: «Оба они фокусники. Вор — всегда. Дурак — иногда». Кража в сказке не носит негативной окраски — это имитация чуда, «не апофеоз безнравственности, но торжество эстетики». На скрещении Дурака и Вора возникает образ Шута, чья задача — «превращать нормальную жизнь в клоунаду».

Дурак служит проводником высших сил. Вор преступает установления и нарушает каноны. Шут веселит и развлекает. В сумме — это писатель.

Тогда в Бостоне, во время самого долгого моего разговора с Андреем Донатовичем, он говорил о писательстве как о выходе из «нормальной» жизни, о вызывающем желании параллельно существующей реальности создать свою, о том, что такое намерение вызывает и должно вызывать протест. «Я помню, как мне чекисты говорили: «Лучше б ты человека убил», — сказал Синявский. И еще он вспомнил: «Как-то в лагере ко мне подошел простой мужик, зек, увидел, что я мрачный, и говорит: «Ничего, писателю и умирать полезно!» Это он меня подбодрить хотел».

Писатель сам творит свою биографию, и в истории российской культуры останутся и извивы творческой судьбы Синявского, и его книги. Главное — книги. И еще главное — явленная им модель поведения и отношения к литературе.

В «Иване-дураке» много сказано о малых божках языческого мира, и особенно тепло, с усмешкой и чувством сродства, — о домовом. Невысокий, сутулый, седобородый, Синявский в самом деле был похож. И видом, и занятием. Непонимание огорчало его, нападки задевали, но не поколебали ничуть. Этот домовой знал выбранное много лет назад дело — хранил свой дом, которым была свободная русская словесность.

Петр Вайль